

А. В. Циммерлинг
Институт языкознания РАН
(Россия, Москва)
fagraey64@hotmail.com

ОДУШЕВЛЕННОСТЬ. РУССКИЙ ЯЗЫК*

В статье рассматривается роль синтактико-семантического признака одушевленности в реализации ряда грамматических конструкций русского языка. Классифицирующая категория одушевленности существительного (одушевленность I) задает шкалу объектов, ранжируемых по степени одушевленности, в то время как синтаксически значимый признак одушевленности (одушевленность II) дискретен и не предполагает скалярности. В русском языке сложилось нетривиальное соотношение между классификатором «одушевленность I» и синтаксическим признаком «одушевленность II». Разные типы аргументов глагольных имперсональных и связочных предикативных конструкций обнаруживают разные настройки бинарного признака $\pm$ одушевленность II. Кроме того, разные настройки признака $\pm$ одушевленность II свойственны разным группам предикатной лексики, обслуживающим данные конструкции. Переходные безличные предложения не образуются от глаголов, обозначающих действия, в исходной диатезе выполняемые исключительно одушевленным субъектом (*видеть, подрезать автомобиль*). Большинство говорящих также не допускает в данной конструкции каузативные предикаты (*ставить, уменьшать*). Напротив, неопределенно-личная конструкция с глаголом в 3 л. мн. ч. образуется только от тех предикатов, которые в исходной диатезе допускают одушевленный субъект. Тем самым переходная безличная и неопределенно-личная конструкции в большинстве групп глагольной лексики оказываются в дополнительной дистрибуции. Оформляемый дат.п. субъект дативно-предикативных предложений (*Х-у стыдно, нужно, тяжело*) может быть только одушевленным. Напротив, субъект дативно-инфинитивных предложений, оформляемый тем же дат.п., может быть неодушевленным. Взаимодействие ограничительных условий, накладываемых на выбор предикатов и предикатных аргументов, обеспечивает воспроизводство русской грамматики в ее нынешнем виде.

Ключевые слова: одушевленность, русский язык, релевантные признаки, шкалы, субкатегоризация, грамматические категории, клауза, конструкции.

---

* Я благодарю Л. Л. Иомдина и И. Б. Левонтину за ценные замечания. Ответственность за все недочеты лежит на авторе статьи.

Юрию Дерениковичу с искренним восхищением

1. Релевантные признаки в описании

Классическое определение естественного языка предполагает, что у него, как и у некоторых распознаваемых формальных языков [см.: Гладкий, Мельчук 1969: 24–26], два базовых компонента: грамматика, т.е. совокупность правил вывода сложных выражений, и словарь, т.е. инвентарь элементарных выражений, хранящихся в памяти. Урок Московской семантической школы, извлекаемый из трудов Ю.Д. Апресяна, его соратников и учеников, состоит в том, что и словарь, и грамматика системны [Апресян 1974], при этом представление словарной статьи в теоретической лексикографии, в том числе в словаре активного типа [Апресян et al. 2004; 2017; ср.: Мельчук, Жолковский 1984], должно включать грамматическую информацию (набор семантических и синтаксических актантов, модель управления и т.д.).

Граница между словарной и грамматической информацией в разных моделях языка проводится по-разному. Это дает повод для утверждений о том, что между словарем и грамматикой есть промежуточная зона [Копотев, Стексова 2016]. В наибольшей степени такой подход оправдан для двух явлений — описания так называемых синтаксических идиом, или фразем (в терминах [Апресян et al. 2010]), и анализа релевантных синтактико-семантических признаков (*s-selection*) [Хомский 1972: 107–119], например ограничения на одушевленность / неодушевленность референта.

Фонология была первой областью естественного языка, формализованной в рамках лингвистического структурализма в 1930-е гг. Представление о релевантном синтактико-семантическом признаке можно понимать как фонологическую метафору. М.И. Стеблин-Каменский в заметке, первоначально опубликованной в 1967 г., ставит знак равенства между экстраполяцией понятийного аппарата фонологии в другие области лингвистики и постулатом об изоморфизме всех уровней языка и всех знаковых систем, т.е. направлением, которое можно назвать семиотикой [Стеблин-Каменский 2003: 648]. Однако фонологическая метафора, т.е. представление о сходстве некоторых аспектов звукового и грамматического строя, может использоваться и вне связи с постулатами об изоморфизме и принципах семиотики.

Релевантным признается признак, который «работает» в данной фонологической системе, т.е. противопоставляет группы фонем в этом языке друг другу. Так, в русском и немецком языках признак «звонкость vs. незвонкость»¹ релевантен, поскольку в этих языках действуют процессы оглушения звонких сегментов

---

¹ Обсуждение того, описывается ли противопоставление сегментов по звонкости в конкретном языке наилучшим образом в терминах привативной бинарной оппозиции «звонкость vs. незвонкость» или же эквиполентной оппозиции «звонкость vs. глухость», выходит за рамки статьи. В порядке дискуссии выскажем мнение о том, что некоторые фрагменты грамматики больше соответствуют структуралистскому идеалу привативной оппозиции, чем фонологические реалии.

(нейтрализации противопоставления согласных фонем по глухости / звонкости). Для древнерусского и древнеисландского языков признак «передний vs. непередний ряд» релевантен в силу того, что разные группы сегментов проявляют разные свойства при процессах палатализации и палатальной перегласовки. Точно так же релевантным признаком, или, в иной терминологии, грамматическим ограничением, мотивированным выражением некоторой семантики, будет тот, который противопоставляет друг другу разные группы слов и/или разные конструкции. И в том и в другом случае релевантный признак важен для моделирования всей системы фонем / согласованной системы грамматических ограничений: правомерно потребовать, чтобы при описании конкретного языка учитывались только релевантные признаки. Такую установку на словах никто не оспаривает, но она не всегда подтверждается анализом материала.

Селективные ограничения (субкатегоризация, *s-selection*) на одушевленность аргументов связывают между собой грамматику и семантику, отделяя прототипические употребления от непрототипических. В русском и других языках² роль инструмента обычно предполагает неодушевленного участника, а роль агенса — одушевленного³. Аномальные или игровые предложения типа (1) и (2) только подтверждают эту интуицию. Предложение 1 маргинально допустимо лишь в непрототипической ситуации, когда зайца убило физическое тело охотника, а не целенаправленная деятельность последнего, связанная с применением ружья, лука, пращи, рогатки или силка [Зализняк 2002: 625]. В порожденном журналистом примере 2 предикаты *сбежать от хозяина* и *подрезать автомобиль* намекают на наличие у самолета злой воли: соответствующее употребление у тех, кто его допускает, связано с персонификацией транспортного средства.

- (1) *Зайца убило охотником / Иваном Петровичем.
- (2) ??Самолет сбежал от хозяина, подрезал автомобиль и разбился о забор [https://lenta.ru/news/2019/01/31/crashedplane/].

Несоответствие прототипическому для второго дополнения значению [- ANIM] — достаточное, но не необходимое условие неграмматичности примера 1 и аналогичных предложений, построенных по схеме переходной безличной конструкции «Х-а убило Y-м». В русском языке предложения типа *Зайца убило

² Можно предположить, что ориентация семантической роли на прототип универсальна и не зависит от языка, но в данной статье мы этот тезис не рассматриваем.

³ Определение агенса (субъекта действия) можно задать, исключив выполнение этой роли неодушевленным участником. Для этого надо выдвинуть дополнительное условие о том, что агент всегда контролирует производимое действие, что невозможно при неодушевленном участнике. В таком случае внешне не выраженный семантический аргумент в переходных безличных предложениях типа *Улицу засыпало песком* (в результате неконтролируемого стихийного процесса) и неопределенно-личных предложениях типа *Улицу засыпали песком* (в результате действия некоторой неопределенной группы лиц) будет соответствовать двум разным семантическим ролям, ср. допустимость предложения *Улицу засыпали песком умышленно* при невозможности **Улицу засыпало песком умышленно*. В данной статье мы соответствующего допущения не делаем.

ружьем при правильном *Зайца убило пулей* тоже не являются стандартными. Поэтому описание-инструкция в словаре активного типа, указывающее, как надо использовать конструкцию «X-а убило Y-м» и чем может быть выражен актант Y в этой конструкции в литературном русском языке, не может сводиться к указанию на значение признака [$\pm$ ANIM] и должно учитывать более сложную комбинацию факторов. Однако в перспективе описания самой русской грамматики в терминах ограничительных условий констатации того, что значение [+ ANIM] отсекает возможность употребления ряда существительных в позиции актанта Y, достаточно.

Приглядимся к русским переходным безличным предложениям внимательней и оценим, важны ли настройки признака [$\pm$ ANIM] для самой безличной конструкции. Оказывается, что, помимо ограничений на заполнение внешне выраженных синтаксических актантов X и Y, нужно учитывать также ограничения, накладываемые на выбор самой предикатной глагольной лексики.

- (3) [?]*Троллейбус постоянно* $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ *дергало со скрежетом, плотно, один к другому, стоящих в проходе грузно* $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ *раскачивало, $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ оживляло до вскриков* (В. Распутин. *Дочь Ивана, мать Ивана*, 2003) [НКРЯ].

Экспериментальное употребление русского писателя в примере 3 необычно не только тем, что оно допускает персонификацию троллейбуса (из контекста неясно, кого или что *оживляло до вскриков* — *троллейбус* или *стоящих в нем людей*), но и тем, что в переходной безличной конструкции, указывающей на то, что источником процесса является неконтролируемая внешняя сила, каузативные глаголы типа *оживлять*, *успокаивать*, *сажать* в стандартном русском языке не употребляются [Zimmerling 2013]. Вслед за [Mel'čuk 1995] будем использовать для указания на нулевой синтаксический аргумент, соответствующий данной семантике, обозначение $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$, с той поправкой, что под таксон $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ мы, в отличие от И. А. Мельчука, подводим не только природные явления ($\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ *затопило дом*, $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ *замело улицу*, $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ *сорвало ветром трубу* и т. п.), но и любые случаи воздействия неконтролируемой внешней силы на пациентивного участника, выраженного дополнением переходного глагола.

Появление в примере 3 неодушевленного существительного в позиции пациента глагола *оживлять* — авторская вольность. Она не свидетельствует о каких-либо сдвигах в словаре и грамматике русского языка и полностью объясняется гипотезой о персонификации. Но употребление самого глагола *оживлять* в безличной конструкции, в других терминах — использование нулевого агенса $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ при глаголе *оживлять*, уже является попыткой обойти ограничения русской грамматики. Или — если часть носителей русского языка решительно отвергает пример 3, а некоторое число носителей его допускает — отражением сложившегося грамматического варьирования.

2. Одушевленность I vs. одушевленность II

В русском языке одушевленность — не только селективный признак, но и классифицирующая категория, тесно связанная с морфологическим падежом⁴: одушевленные (*охотник, заяц, комар, девушка, муха*) и неодушевленные существительные (*стол, троллейбус*) получают разные окончания. У одушевленных существительных формы им. п. и вин. п. неомонимичны, а формы вин. п. и род. п., напротив, омонимичны (синкретичны — в терминах моделей падежа). Противопоставление разных групп слов по линии классифицирующей категории «одушевленность vs. неодушевленность» манифестируется не только на уровне словоформ, но на уровне словоизменительных парадигм [см.: Крысько 1994].

- (i) Им. п. ≠ вин. п. & род. п. = вин. п. vs. Им. п. = вин. п. & род. п. ≠ вин. п.

Как и в случае с классифицирующей категорией рода, большинство русских существительных относится ровно к одному классу — они либо одушевленные, либо неодушевленные. Вне зависимости от авторского подхода к *комарам* и *троллейбусам*, породить предложения **я убил комар* или **я вижу троллейбуса* и приписать *ad hoc* первому слову значение [- ANIM], а второму — [+ ANIM] нельзя. В то же время некоторые слова, ср. *призрак, микроб, эмбрион, вибрион*, могут трактоваться и как одушевленные, и как неодушевленные: *Фермер увидел призрак(а)* и т. п. В зависимости от темперамента лингвиста этот эмпирический факт может объясняться и сугубо формально (существительные типа *призрак*, принимающие значение [$\pm$ ANIM], сходны с существительными так называемого общего рода типа *судья, староста, неряха*, принимающими как значение муж. р., так и значение жен. р.⁵), и когнитивно — как отражение особенностей менталитета и культурных стереотипов, мотивирующих разные группы носителей русского языка на выбор одной из конкурирующих форм⁶.

Одушевленность как морфологическая категория-классификатор (далее — ANIM I) совместима со скалярностью, так как в середине шкалы обнаруживаются слова типа *призрак, микроб*, которые могут иметь как характеристику [+ ANIM I], так и характеристику [- ANIM I]. Напротив, одушевленность как релевантный признак конструкций (далее — ANIM II) дискретна и не связана со скалированием каких-либо сущностей или классов слов. По этой причине трудно принять тезис о том, что классифицирующая категория одушевленности — просто более

⁴ О понятии так называемого синтаксического падежа, т. е. приписывания падежа именным группам в соответствии с механизмами построения предложения, см. [Лютикова 2017: 62–87].

⁵ Опускаем обсуждение вопроса о том, чем род существительных отличается от согласованного класса [Зализняк 1967: 73–75] и следует ли использовать общий термин для слов типа *судья, неряха* (где морфология склонения на -а не показывает, какого грамматического рода относится к нему слова) и *учитель, врач* (которые морфологически относятся к муж. р.).

⁶ Утверждалось, что члены профессиональных сообществ, например люди, изучающие *микробов / микробы*, склонны трактовать подобные спорные сущности как одушевленные. Это мнение правдоподобно, но репрезентативные статистические исследования нам не известны.

грамматикализованное отражение того же признака, который ограничивает разумную интерпретацию предложений типа *??Зайца убило охотником* непрототипическими ситуациями, где заяц погиб в результате падения на него физического тела охотника. Описание, сводящее ANIM I и ANIM II к единой категории, не имеет ясных перспектив.

Релевантные признаки — часть аппарата описания в терминах бинарных привативных оппозиций. Такое описание оправданно, если в грамматике или системе фонем конкретного языка есть фрагменты, где введение соответствующего признака объясняет функционирование противопоставленных друг другу наборов единиц или конструкций. В качестве релевантного синтактико-семантического признака, ограничивающего или блокирующего маргинальные и аномальные предложения 1, 2, 3, признак $[\pm \text{ANIM II}]$ не предполагает никаких эффектов скалярности, которых можно бы ждать, если бы, допустим, замена нарицательного имени *охотник* на имя собственное *Иван* и т. п. в контексте **Зайца убило Иваном / охотником* меняла степень приемлемости примера⁷. Далее признак $[\pm \text{ANIM II}]$ будет рассмотрен на базе двух групп русских предложений без внешне выраженного подлежащего в им. п. — глагольных имперсональных конструкций с нулевым подлежащим (раздел 3) и связочных предложений с субъектным аргументом в дат. п. (раздел 4).

3. Имперсональные конструкции и ANIM II

Признак $[\text{ANIM II}]$ играет ключевую роль в противопоставлении двух русских конструкций, которые принято называть имперсональными, т. е. связанными с устранением подлежащего / агентивного аргумента из поверхностно-синтаксической схемы. Одна из них — переходные безличные предложения с нулевым подлежащим $\emptyset^{\text{ELEMENTS}} \approx$ ‘неконтролируемая внешняя сила’ — упоминалась выше. Вторая — предложения с глаголом в 3 л. мн. ч. типа *Улицу перекрыли*, называемые в русской лингвистической традиции неопределенно-личными. В работе [Mel’čuk 1995] такие предложения интерпретируются как структуры с нулевым подлежащим $\emptyset^{\text{PEOPLE}} \approx$ ‘неопределенная группа лиц’. В [Zimmerling 2009] было отмечено, что $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ и $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ находятся в дополнительной дистрибуции по признаку $[\pm \text{ANIM II}]$. Очевидно, что нулевое подлежащее неопределенно-личных предложений всегда является одушевленным, а нулевое подлежащее переходных безличных предложений одушевленным ни при каких условиях быть не может. При этом описание в терминах бинарного признака $[\pm \text{ANIM II}]$ точнее, чем буквальное прочтение ярлыков $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ и $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ как иконических знаков, соответственно, для ситуаций проявления сил природы и для ситуаций, связанных с действиями людей. Так, в контексте примера 4 неясно, осуществляется ли действие *закусать*

⁷ Популярное в типологии представление об одушевленности как о шкале [Silverstein 1976] обобщает эффекты последнего типа, когда в одном и том же синтаксическом контексте разные классы именных и местоименных выражений получают разные падежи. Например, личные местоимения, имена собственные и имена деятеля маркируются падежом А, а прочие выражения — падежом В.

до смерти людьми или иными существами (комарами, крысами, фольклорными вампирами и т. п.), но все эти сущности будут признаны одушевленными на шкале, заданной классификатором [ANIM I]⁸.

- (4) Тебя тут $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ [+ ANIM II] **закусаят** [+ ANIM II] до смерти.

Признак [$\pm$ ANIM II] важен и для отбора предикатной лексики, обслуживающей имперсональные конструкции. Переходная безличная конструкция в современном русском языке продуктивна (нет закрытого списка глаголов, которые сочетаются с $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$), но лексически избирательна. Не дают дериватов с $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ глаголы трех групп — эксперенциальные (ср. невозможность $*\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ **слышало звон**, не $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ **знало, где он**), прочие глаголы, обозначающие действия, которые не могут осуществляться неодушевленным субъектом (ср. $*\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ **скушало суп**, $*\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ **подрезало машину на дороге**), и каузативные глаголы, ср. $*\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ **подвесило пакет на ветке**, $*\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ **увеличило бицепс** и т. п. [Циммерлинг 2018]. Первые два ограничения выдерживаются жестко, в то время как применительно к каузативам [НКРЯ] фиксирует некоторое число специальных (ср. морской термин $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ [- ANIM II] **посадило** [- ANIM II; + CAUS] **корабль на мель**) и окказиональных употреблений вроде ⁷⁷Центробежной силой его вновь $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ **толкнуло к борту** и $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ **усадило** [- ANIM II; + CAUS] **на место** (С. Вишенков. Испытатели, 1947).

Регулярное использование глагола *убить* в переходной безличной конструкции — 585 примеров в [НКРЯ] — на фоне спорадических употреблений других каузативов льет воду на мельницу А. Вежбицкой, утверждавшей, что глагол «убить» не является каузативом к глаголу «умереть» [Wierzbicka 1975].

- (5) У матери на войне $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ **убило** всех четверых братьев, а у погибшего отца — всех троих (С. Шаргунов. Мой батюшка, 2011) [НКРЯ].

Не являются исключением 12 корпусных примеров типа $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ **ело глаза**, **в горле** $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ **ело слезой** (А. Малышкин. Люди из захолустья, 1938): в них реализуется не требующий одушевленного субъекта глагол *есть*₁ ‘принимать пищу’, а омонимичный глагол *есть*₂ в значении ‘разъедать, раздражать органы восприятия’. Такое решение принято и в «Активном словаре синонимов русского языка», где соответствующие значения отнесены к разным лексемам [Апресян и др. 2017: 346–347].

Конструкция с $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ менее селективна, но в ней невозможны глаголы, сочетающиеся только с неодушевленным субъектом, ср. *искрить*, *тикать* ‘издавать звук тиканья’ в (6а). Подходят глаголы, которые либо требуют одушевленного субъекта, ср. *кряхтеть* в (6б), либо допускают его, ср. *скрипеть* в (6в–г), параллельно сочетаясь и с неодушевленным субъектом, ср. (6д–е).

⁸ Введение разных синтаксических аргументов — $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ vs. $\emptyset^{\text{ANIMALS}}$ vs. $\emptyset^{\text{VAMPIRE}}$ — для различения людей, животных и нечисти в позиции нулевого подлежащего не кажется оптимальным решением.

- (6а) *В этой палате громко $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ [+ ANIM II] **тикают** [- ANIM II] (подробное значение — ‘в этой палате громко тикают часовые механизмы’).
- (6б) В этой палате громко $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ [+ ANIM II] **кряхтят** [+ ANIM II].
- (6в) В этой палате громко $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ [+ ANIM II] **скрипят половицей** [$\pm$ ANIM II].
- (6г) Дед громко **заскрипел половицей** [+ ANIM II].
- (6д) **Заскрипела** [- ANIM II] половица. Неужели это он?
- (6е) Осина **заскрипела на ветру** [- ANIM II].

4. Дативно-предикативные структуры и ANIM II

В русском языке имеется обширный класс неглагольных предикативов, семантический субъект которых маркируется дат. п. и которые могут реализоваться в дативно-предикативной структуре «дат. п. лица — связка — предикатив» (далее — ДПС), ср. *Мне было холодно, Ему было нужно выйти, Коле было приятно, что Сашиа выиграл* и т. п. Субъект ДПС имеет характеристику [+ ANIM II] независимо от того, обозначает ли предикатив физическое ощущение, переживание, вид модальности и т. п. Другая продуктивная конструкция — с дат. п. субъекта и инфинитивом в качестве лексической вершины сказуемого (дативно-инфинитивная структура, далее — ДИС) — этому условию не удовлетворяет. В позиции субъекта ДИС возможны как одушевленные, так и неодушевленные выражения, включая имена событий, ср. *Мне еще писать отчет, Конференции — быть, Грузовикам здесь не проехать* и т. п. Приведение ДПС и ДИС к единому структурному типу, ср. попытку [Митренина 2017], проблематично по семантическим и формальным причинам. Признак [ANIM II] четко противопоставляет предложения ДПС с характеристикой [+ ANIM II], предложениям ДИС, имеющим характеристику [$\pm$ ANIM II] и не накладывающим ограничений на одушевленность субъектного аргумента в дат. п.

Требуют обсуждения два случая, когда в позиции дативного аргумента предложения, соответствующего схеме ДПС, появляется неодушевленное выражение. Пример 7 — подлинное предложение ДПС, на которое наложена персонификация или троп, уподобляющий некий механизм, ср. *самолет*, оператору этого механизма $\approx$ ‘пилот самолета’.

- (7) **Такому самолету** трудно пролететь под Эйфелевой башней (подробное значение — ‘на таком самолете <пилоту> трудно пролететь под Эйфелевой башней’).

Сложнее оценить пример 8, где неодушевленное существительное в дат. п. не может быть субъектом деонтической модальной установки.

- (8) **Пирог** [- ANIM II] *надо остыть* (‘надо, чтобы пирог остыл’).

У рус. *надо* есть бесспорные употребления в качестве предикатива ДПС при одушевленном субъекте, ср. *Васе надо выходить из дому*. Поэтому надо решить, нарушает ли пример 8 условие одушевленности субъекта ДПС или же (8) не является предложением ДПС. В [Циммерлинг 2018] мы обосновали второе решение:

пирог в (8) — не субъект предикатива *надо*, а аргумент инфинитива *остыть*, перемещенный из инфинитивной клаузы в главную. Тем самым (8) — не предложение ДПС, а преобразованное предложение ДИС типа *конференции — быть*, *пирог — *остыть* в позиции зависимой предикации. Это преобразование, так называемую операцию подъема аргумента, показывает запись 9:

(9) **Пирог** надо [*остыть* **пирог**].

Семантический субъект омонимичных предложений ДПС (*Васе надо остыть / выйти из дома*) порождается в той же клаузе, что и предикатив. Тем самым предложения ДПС и ДИС противопоставлены как в плане формального синтаксиса, так и по значениям признака «одушевленность II».

Т а б л и ц а

Одушевленность II и синтаксис предложений с дативным субъектом

	Предложения ДПС	Предложения ДИС
Субъектный аргумент в дат. п.	[+ ANIM II] <i>Мне холодно / приятно / стыдно.</i> * <i>Конференции приятно.</i> * <i>Грузовику холодно.</i> * <i>Пирог</i> <i>стыдно.</i>	[± ANIM II] <i>Мне еще писать отчет.</i> <i>Конференции — быть.</i> <i>Грузовикам здесь не проехать.</i> <i>Пирог</i> <i>еще остывать и остывать.</i>
Подъем аргумента в дат. п.	Невозможен.	Маргинально возможен в предложениях типа <i>Пирог</i> <i>надо остыть.</i>

При неодушевленном участнике в дат.п. при предикативе *надо* (*пирог* *надо остыть*, *чаю* *надо завариться* и т.п.) интерпретация (9) не имеет альтернативы. При одушевленном участнике при том же наборе элементов возникает омонимия предложений ДПС и ДИС, которая разрешается, если контекст позволяет установить тип модальности — внешняя (алетическая) ≈ ‘надо, чтобы событие Р, связанное с X-м, произошло’ vs. внутренняя (деонтическая) ≈ ‘X должен совершить Р’.

Разные свойства двух русских конструкций с субъектным аргументом в дат. п. — ДПС и ДИС — более фундаментальный факт, нежели выбор синтаксического формализма, где эти свойства описываются. Сам по себе формализм составляющих с оператором подъема кому-то может нравиться или не нравиться, использоваться или не использоваться в том или ином лингвистическом процессе. Существенно, что постулированные различия в синтаксисе предложений ДПС и ДПС интерпретируют различия не только между двумя предикатными конструкциями в конкретном языке, но и между предположительно универсальными типами модальности — внешней / алетической (ДИС) и внутренней / деонтической (ДПС). Эти различия между двумя типами модальности в предложениях с предикативом *надо* выявляются благодаря тому, что им в русском языке соответствуют конструкции с разным синтаксисом.

Различие между алетическими и деонтическими модальными операторами может проявляться в русском языке не только на уровне формального синтаксиса, но и на уровне просодии фразы. Алетическая интерпретация неоднозначного

предложения 10 с одушевленным субъектным аргументом в дат. п. связана с постановкой фразового ударения на субъектную именную группу в дат. п., см. (11), в то время как интерпретация деонтическая связана с тем, что акцентоноситель выбирается из состава инфинитивного оборота, см. (12). В примерах 11 и 12 акцентоноситель ремы помечается символом $\searrow$, который ставится перед соответствующей словоформой.

- (10) Васе надо было подавать на грант.
- (11) $\searrow$ **Васе** надо было подавать на грант <Надо было, чтобы на грант подавал Вася. Катя не справилась>.
(Тип модального оператора: алетический.
Грамматическая конструкция: ДИС.
Акцентоноситель ремы: субъектный аргумент в дат. п.)
- (12) Васе надо было подавать **на** $\searrow$ **грант** <Это было бы правильным действием со стороны Васи>.
(Тип модального оператора: деонтический.
Грамматическая конструкция: ДПС.
Акцентоноситель ремы: несубъектный элемент инфинитивной группы.)

Принципы выбора акцентоносителя в русском языке существенным образом связаны с синтаксической структурой [Янко 2008: 43–58]. Но упорядочение семантической, синтаксической и просодической информации — уже вопрос интегрального описания русского языка. В рамках настоящей статьи позволительно ограничиться выводом, что разные настройки семантико-синтаксического признака [$\pm$ ANIM II] в русском языке характеризуют наблюдаемые свойства противопоставленных друг другу грамматических конструкций.

5. Выводы

Мы показали нетривиальное соотношение между представленной в русском языке категорией-классификатором «одушевленность I» (ANIM I) и синтактико-семантическим признаком «одушевленность II» (ANIM II), регулирующим употребление грамматических конструкций. Разные типы аргументов глагольных имперсональных и связочных предикативных конструкций обнаруживают разные настройки бинарного признака [$\pm$ ANIM II]. Кроме того, разные настройки признака [$\pm$ ANIM II] свойственны разным группам предикатной лексики, обслуживающим данные конструкции. Взаимодействие ограничительных условий, накладываемых на выбор предикатов и предикатных аргументов, обеспечивает воспроизводство русской грамматики в ее нынешнем виде.

Литература

Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю., Галактионова И.В., Гловинская М.Я., Григорьева С.А., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В.,

Левонтина И. Б., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М. : Языки славянских культур, 2004. 1488 с.

Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Лопухина А. А., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Активный словарь русского языка. Т. 3 : Д–З / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 768 с.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М. : Наука, 1974. 367 с.

Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря. М. : Языки славянских культур, 2010. 407 с.

Гладкий А. В., Мельчук И. А. Элементы математической лингвистики. М. : Наука, 1969. 192 с.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М. : Наука, 1967. 373 с.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. С приложением избранных работ по русскому языку и общему языкознанию. М. : Языки славянских культур, 2002. 752 с.

Коптев М. В., Стеклова Т. И. Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М. : Языки славянских культур, 2016. 168 с.

Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М. : Лусеум, 1994. 221 с.

Лютикова Е. А. Формальные модели падежа. Теории и приложения. М. : Языки славянских культур, 2017. 384 с.

Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Wien : Wiener Slawistischer Almanach, 1984. 992 с.

Митренина О. В. Дативно-инфинитивная конструкция в русском языке как предложная группа // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4 : Материалы междунар. конф. «Типология морфосинтаксических параметров — 2017» / под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга. М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 64–70.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> [Дата обращения: 30.01.2020]

Стеблин-Каменский М. И. Изоморфизм и «фонологическая метафора» // Стеблин-Каменский М. И. Труды по филологии. СПб. : СПбГУ, 2003. С. 647–651.

Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / пер. с англ. В. А. Звегинцева. М. : Изд-во МГУ, 1972. 259 с.

Циммерлинг А. В. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 7–33.

Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи. М. : Языки славянских культур, 2008. 312 с.

Mel'čuk I. Syntactic or Lexical Zero // *Мельчук И. А.* Русский язык в модели «Смысл–Текст». М. ; Вена : Языки славянских культур, 1995. С. 169–211.

Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // *Grammatical Categories in Australian Languages* / ed. by R.M.W. Dixon. Canberra : Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. P. 112–171.

Wierzbicka A. Why “kill” does not mean “cause to die”: the semantics of action sentences // *Foundations of Language*. 1975. № 13 (4). P. 491–528.

Zimmerling A. Dative subjects and semi-expletive pronouns in Russian // *Studies in formal Slavic phonology, morphology, syntax, semantics and discourse structure* / ed. by G. Zybatow, U. Junghanns, D. Lenertova, P. Biskup. Frankfurt : Peter Lang, 2009. P. 253–265.

Zimmerling A. Transitive impersonals in Slavic and Germanic // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. 2013. Вып. 12 (19). С. 723–737.

A. V. Zimmerling

Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences)

(Russia, Moscow)

fagraey64@hotmail.com

ANIMACY: LESSONS FROM RUSSIAN

This paper is addressed the role of the animacy feature in the Russian grammar, with focus on Russian verbal impersonal constructions and copular structures with non-verbal predicatives. I argue that animacy as the classifying category of Russian nouns (ANIM I) is a scalar feature, while animacy as the restrictive condition blocking ill-formed combinations of syntactic elements (ANIM II) is construed as a discrete binary feature. Different arguments of the verbal impersonal and copular predicative constructions display different settings of the binary feature ANIM II. Moreover, different settings of $\pm$ ANIM II characterize different groups of the predicative lexicon used in these Russian constructions. Transitive impersonals with a silent agentive subject are not licensed in Russian with verbs denoting actions which are only fulfilled by an + ANIM II subject in the basic diathesis in the active voice (*видеть*, *подрезать автомобиль*). The majority of speakers do not license causative predicates like *ставить*, *уменьшить* in this construction. On the contrary, the arbitrary impersonals with the verb form in 3Pl are only licensed in Russian with those verbs that license an + ANIM II subject. These facts prove that Russian transitive impersonals and Russian arbitrary impersonals are distributed complementarily in the majority of the lexical groups. The subject argument of the Russian dative-predicative-structures (*Х-у стыдно, нужно, тяжело*) case-marked with the dative case is invariably specified as + ANIM II, while the subject argument of the Russian dative-infinitive-structures overtly marked by the same case has the setting + ANIM II, i.e. can be both animate and non-animate. The combination of the constraints imposed on

the selection of the predicates with the factors constraining the choice of their arguments sets out the settings of the Russian grammar in its present shape.

Key words: animacy, Russian, relevant features, scales, s-selection, grammatical categories, clause, syntactic constructions.

References

- Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I. V., Glovinskaya M.Ya., Grigor'eva S. A., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B., Ptentsova A. V., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka. 2-e izd., ispr. i dop.* [The New explanatory dictionary of synonyms in Russian. 2nd ed., corrected and supplemented]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2004. 1488 p.
- Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I. V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B., Lopukhina A. A., Ptentsova A. V., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. 3: D–Z* [The Active dictionary of the Russian language. Vol. 3. D–Z]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 768 p.
- Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Lexical semantics (the synonymous tools of language)]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 367 p.
- Apresyan Yu.D., Boguslavskii I. M., Iomdin L. L., Sannikov V. Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeistvie grammatiki i slovary* [Theoretical problems of the Russian syntax. The Interaction of grammar and lexicon]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010. 407 p.
- Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, M. I. T. Press, 1965. 251 p. (Russ. ed.: Khomskii N. *Aspekty teorii sintaksisa*. V. A. Zvegintsev (Transl.). Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1972. 259 p.).
- Gladkii A. V., Mel'chuk I. A. *Elementy matematicheskoi lingvistiki* [The Elements of mathematical linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 192 p.
- Kopotev M. V., Steksova T. I. *Isklyuchenie kak pravilo: perekhodnye edinitsy v grammatike i slovare* [Exception as a rule: transition units in grammar and in lexicon]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2016. 168 p.
- Krys'ko V. B. *Razvitie kategorii odushevlennosti v istorii russkogo yazyka* [The Evolution of the category of animacy in the history of the Russian language]. Moscow, Lyceum Publ., 1994. 221 p.
- Lyutikova E. A. *Formal'nye modeli padezha. Teorii i prilozheniya* [The Formal models of case. Theories and applications]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2017. 384 p.
- Mel'čuk I. Syntactic or Lexical Zero. Mel'chuk I. A. *Russkii yazyk v modeli «Smysl–Tekst»* [The Russian language in the Meaning–Text Perspective]. Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 1995, pp. 169–211.
- Mel'chuk I. A., Zholkovskii A. K. *Tolkovo-kombinatornyi slovar' sovremenno-go russkogo yazyka: opyty semantiko-sintaksicheskogo opisaniya russkoi leksiki* [The

Explanatory combinatory dictionary of contemporary Russian: Experiments in semantic and syntactic description of Russian vocabulary]. Vienna, Wiener Slawistischer Almanach, 1984. 992 p.

Mitrenina O. V. [The Russian dative-infinitive construction as a preposition phrase]. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Vyp. 4: Materialy mezhdunar. konf. «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov — 2017»* [The Typology of morphosyntactic parameters. Vol. 4. Proceedings of the international conference “Typology of Morphosyntactic Parameters — 2017”]. E. A. Lyutikova, A. V. Tsimmerling (Eds.). Moscow, Pushkin Rus. Language Inst. Publ., 2017, pp. 64–70. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 30.01.2020)

Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. *Grammatical Categories in Australian Languages*. R. M. W. Dixon (Ed.). Canberra, Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976, pp. 112–171.

Steblin-Kamenskii M. I. [The Isomorphism and the “phonological” metaphor]. *Trudy po filologii* [Papers in philology]. St Petersburg, St Petersburg St. Univ. Publ., 2003, pp. 647–651. (In Russ.)

Tsimmerling A. V. [Impersonal constructions and dative-predicative structures in Russian]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2018, no. 5, pp. 7–33. (In Russ.)

Wierzbicka A. Why “kill” does not mean “cause to die”: the semantics of action sentences. *Foundations of Language*, 1975, no. 13(4), pp. 491–528.

Yanko T. E. *Intonatsionnye strategii russkoi rechi* [The Intonation strategies of Russian speech]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 312 p.

Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [The Russian nominal inflexion]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 373 p.

Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie. S prilozheniem izbrannykh rabot po russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu* [The Russian nominal inflexion. Supplemented by selected papers in Russian and general linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2002. 752 p.

Zimmerling A. Dative subjects and semi-expletive pronouns in Russian. *Studies in formal Slavic phonology, morphology, syntax, semantics and discourse structure*. G. Zybatow, U. Junghanns, D. Lenertova, P. Biskup (Eds.). Frankfurt, Peter Lang, 2009, pp. 253–265.

Zimmerling A. Transitive impersonals in Slavic and Germanic. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, 2013, no. 12(19), pp. 723–737.

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

№ 2

**From Semantic Quarks to the Universe
in Alphabetical Order**
*In Honour of Academician Yuri Derenikovich Apresjan
for his 90 th Annivesary*

MOSCOW
2020

ISSN 2311–150X

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief

Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Editors of the Issue

Leonid L. Iomdin, D.Sc. (Moscow, Russia);

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (Moscow, Russia)

Editorial board

Aleksandr E. Anikin, D.Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);

Yury D. Apresyan, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Václav Čermák, Ph.D., Professor (Prague, Czech Republic);

Michael S. Flier, Ph.D., Professor (Cambridge, USA);

Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);

Alexey A. Gippius, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Yannis Kakridis, D. Sc., Professor (Bern, Switzerland);

Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Alexandr P. Mayorov, D.Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);

Olga Mladenova, Ph.D, Professor em. (Calgary, Canada);

Tore Nasset, D.Sc., Professor, (Tromsø, Norway);

Vladimir A. Plungian, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);

Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);

Fjodor B. Uspensky, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Cynthia M. Vakareliyska, Ph.D., Professor (Oregon, USA);

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);

Björn Wiemer, D. Sc., Professor, (Mainz, Germany);

Olga T. Yokoyama, Ph.D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA).

Executive secretary

Alexandra E. Somova

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.

Registration certificate ПИ № ФС 77-76037.

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2020

© by Authors, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Молдован А. М. (Россия, Москва)	
Красота и смысл слова. Предисловие.	11
Крысин Л. П. (Россия, Москва)	
Юра	15

Морфология и синтаксис

Бенакьо Р. (Италия, Падуя)	
Значения и функции перфектизирующего суффикса <i>-ni-</i> в резьянском диалекте (в сопоставлении с русским языком)	18
Пиперски А. Ч. (Россия, Москва)	
Корпусные наблюдения над смешением родительного и предложного падежей русских существительных	32
Циммерлинг А. В. (Россия, Москва)	
Одушевленность. Русский язык	43
Reuther Tilmann. (Австрия, Клагенфурт)	
Глагольный префикс — между грамматикой и словарем: словарное решение на примере префикса <i>вз-</i>	57
Вайс Даниэль. (Швейцария, Цюрих)	
Конструкция с препозитивной относительной клаузой	91
Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. (Канада, Монреаль)	
Местоимения КТО и КОТОРЫЙ в определительном придаточном	107

Теоретическая семантика

Апресян В. Ю., Рахилина Е. В. (Россия, Москва)	
Две стороны фасадности: двери и окна	136
Bogusławski Andrzej. (Польша, Варшава)	
Equivalence: <i>p</i> $\equiv$ someone knows that <i>p</i>	148
Wierzbicka Anna. (Австралия, Канберра)	
The meaning of the Christian confession of faith: explaining the nicene creed through universal human concepts	150
Крылов С. А. (Россия, Москва)	
К вопросу о различении поверхностной и глубинной семантики	170

История языка, философия языка, языковая картина мира

Бабаева Е. Э. (Россия, Москва)	
Об одной особенности системы предикатов положения в пространстве во французском языке	190
Птенцова А. В. (Россия, Москва)	
Глагол <i>кануть</i> : семантическая история и структура многозначности	205

Содержание

Соботка Петр. (Польша, Варшава)	
Этимология, развитие и древние функции польского <i>że</i>	
в историко-сравнительном освещении.	216
Zaron Zofia. (Польша, Варшава)	
O wdzięczności.	230
Nomachi Motoki. (Япония, Саппоро)	
How Do Russians Verbalize the Art of Kissing.	241
Шмелев А. Д. (Россия, Москва)	
Еще раз о гордости в истории русского языка и русской культуры:	
от «демонской твердыни» к чувству собственного достоинства.	257
Зельдович Г. М. (Польша, Варшава)	
Способность модифицировать содержание предтекста	
как примета первого дискурсивного плана в лирическом произведении.	277
Ляпон М. В. (Россия, Москва)	
Стратегии комического. Перифразирование идиомы (кроссворд, анекдот)	292

CONTENT

A. M. Moldovan (Russia, Moscow)	
Beauty and meaning of the word. Preface	11
L. P. Krysin (Russia, Moscow)	
Yura	15

Morphology and Syntax

R. Benacchio (Italy, Padova)	
The Meanings and Functions of the perfectivizing suffix <i>-nu-</i> in the resian dialect (in comparison with russian)	18
A. Ch. Piperski (Russia, Moscow)	
Corpus-based observations on the confusion of genitive and locative in russian nouns	32
A. V. Zimmerling (Russia, Moscow)	
Animacy: lessons from russian.	43
Tilmann Reuther (Austria, Klagenfurt)	
The verbal prefix – between grammar and dictionary: a dictionary solution exemplified by the russian verbal prefix VZ-.	57
Daniel Weiss (Switzerland, Zurich)	
Constructions with preposed relative clauses.	91
L. N. Iordanskaja, I. A. Meľčuk (Canada, Montreal)	
Pronouns KTO ‘who’ and KOTORYI ‘which’ in a relative clause	107

Semantic Theory

V. J. Apresjan, E. V. Rakhilina (Russia, Moscow)	
Two sides of frontness: doors and windows.	136
Andrzej Bogusławski (Poland, Warsaw)	
Equivalence: P ≡ someone knows that P	148
Anna Wierzbicka (Australia, Canberra)	
The meaning of the christian confession of faith: explaining the nicene creed through universal human concepts	150
S. A. Krylov (Russia, Moscow)	
On the question of distinguishing surface and deep semantics	170

Language history, language philosophy, language and culture

E. E. Babayeva (Russia, Moscow)	
On one particular feature of the system of predicates of position in space in french.	190
A. V. Ptentsova (Russia, Moscow)	
Russian verb KANUT ‘disappear’: semantic history and the polysemy structure	205
Piotr Sobotka (Poland, Warsaw)	
The etymology, development and older functions of the polish ze in the historical and comparative perspective	216

Content

Zofia Zaron (Poland, Warsaw)	
About the syntactic-semantic properties of the polish word WDZIĘCZNOŚĆ ‘gratitude’	230
Motoki Nomachi (Japan, Sapporo)	
How do russians verbalize the art of kissing? An appendix to jurij d. Apresjan’s analysis of the verb CELOVAT’ ‘to kiss’	241
A. D. Shmelev (Moscow, Russia)	
Gordost’ ‘pride’ in the history of the Russian language and Russian culture: from the stronghold of demons to self-respect	257
G. M. Zeldovich (Poland, Warsaw)	
Ability of modifying the meaning of earlier parts of text as a property of foreground in lyrical discourse	277
M. V. Lyapon (Russia, Moscow)	
Strategies of the comic. Paraphrasing an idiom (the crossword puzzle and the joke)	292